

На правах рукописи

Тесленко Антон Викторович

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЛОЖНОЙ
ИНФОРМАЦИИ, ОПАСНОЙ ДЛЯ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ**

12.00.08 - уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Волгоград – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный университет» на кафедре уголовного права.

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ **Лобанова Любовь Валентиновна**

Официальные оппоненты:

Бавсун Максим Викторович, доктор юридических наук, доцент, федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации", кафедра уголовного права, начальник кафедры;

Намнясева Виктория Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», кафедра уголовного права, начальник кафедры.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Саратовская государственная юридическая академия", г. Саратов

Защита состоится 28 июня 2017 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.215.09 на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» http://www.ssau.ru/resources/dis_protection/teslenko/.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д. 212.215.09

Денисова А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Правосудию в России отведена ключевая роль – служить гарантом прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства (ст.18 Конституции РФ). В уголовном законодательстве РФ закреплены нормы, охраняющие информационное поле судопроизводства, в том числе уголовного, от проникновения в него недостоверных сведений (ст.306, 307 УК РФ). Нарушение запретов, установленных названными статьями, составляет большинство (за период с 2009 г. по 2015 г. – 55,88%) от числа преступлений, ответственность за которые предусмотрена в главе 31 УК РФ. Ежегодно в нашей стране осуждается с квалификацией по указанным статьям в среднем около 4000 тысяч граждан¹. Причем, никто из специалистов-правоведов не сомневается в том, что официальные сведения не отражают действительного положения дел в этой области.

Вместе с тем ложные данные требуют затрат времени и ресурсов на их проверку и опровержение, создают условия для вынесения незаконных правоприменительных актов, существенного нарушения прав граждан, умаления авторитета правоохранительных и судебных органов.

Это заставляет задуматься о качестве соответствующих юридических конструкций, а равно достаточности и обоснованности произведенной дифференциации уголовно-правовых последствий, предусмотренных законом для реагирования на подобного рода общественно опасные деяния.

Практические работники испытывают немалые трудности при толковании и реализации положений ст.306 и 307 УК РФ, в частности, при определении круга субъектов закрепленных указанными статьями составов преступлений, даче уголовно-правовой оценки фактам самоговора, при установлении содержания обстоятельств, с которыми связано освобождение лжесвидетеля от уголовной ответственности. По-разному понимается правоприменителями содержание квалифицирующих признаков заведомо ложного доноса и лжесвидетельства. Значительное число правоприменителей высказывают претензии к санкциям, установленным за заведомо ложные показания, заключение и неправильный перевод (47%).

Отмеченное позволяет утверждать, что правовая база противодействия проникновению в уголовное судопроизводство ложной информации неадекватна потребностям современного общества и нуждается в реформировании. При совершенствовании соответствующих уголовно-правовых норм большую помощь способен оказать правотворческий опыт зарубежных государств, при изучении которого резонно ожидать обнаружения удачных законодательных решений и образцов грамотного использования средств юридической техники для выражения воли государства. По этой

¹Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 гг. / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] -URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 03.07.2016).

причине компаративистский анализ освещаемых в диссертации законоположений составляет ее основную канву.

Степень теоретической разработанности проблемы. Отдельные аспекты заявленной проблематики освещались в трудах Ю.П.Адамова, А.И.Анучиной, А.А.Бакрадзе, В.А.Блинникова, А.В.Бриллиантова, И.С.Власова, Т.П. Гарипова, А.С.Горелика, А.Т.Гужина, О.С.Гузеевой, И.В.Дворянскова, С.А.Денисова, В.П.Ефремова, О.А.Зайцева, А.А.Закатова, Е.И.Замылина, В.Д.Иванова, Р.М.Кашапова, А.И.Коробеева, Н.С.Косяковой, Л.Л.Кругликова, А.П.Кузнецова, С.С.Кузьминой, Ю.И.Кулешова, Я.М.Кульберга, Л.В.Лобановой, Г.П.Лозовицкой, Я.М.Мазанина, В.П.Малкова, Я.В.Малышева, Е.Г.Мартынчика, В.В.Намнясева, А.А.Нечепуренко, В.И.Никандрова, З.А.Николаевой, С.А.Новикова, Е.С.Петрик, И.Л.Петрухина, Г.С.Пономарева, Е.В.Пономаренко, А.Д.Прошлякова, П.П.Пусторослева, А.Ф.Ратинова, Ш.С.Рашковской, Р.А.Сабитова, С.В.Смолина, Л.А.Спектор, И.В.Смольковой, Н.С.Таганцева, А.А.Тарасова, П.В.Тепляшина, Е.Н.Тереховой, И.М.Тяжковой (Черных), С.Я.Улицкого, В.С.Устинова (Фельдблюма), И.А.Фаргиева, А.В.Федорова, А.Н.Фирсова, И.Я.Фойницкого, М.Х.Хабибуллина, Е.Ю.Хлопцевой, К.В.Цепелева, А.И.Чучаева, М.А.Шматова, С.М. Яхьяевой и др.

Ряд поднимаемых нами вопросов изучался зарубежными правоведами, (Р. Андервуд, Й. Вессельс, Ч. Дойль, В. Дегенер, Б. Друзин, Г.Дюпра, С. Кассин, П. Колрат, К. Лакнер, Дж. Ли, Т. Перрин, В. Пуррингтон, А.Сальзман, Г. Хибсчмен и др).

Однако специального комплексного компаративистского исследования проблем организации уголовно-правового противодействия предоставлению ложной информации правоохранительным и судебным органам до сих пор проведено не было. Кроме того, в большинстве работ по понятным причинам не были учтены реформы уголовного законодательства России и зарубежных государств.

Цель настоящей работы состоит в формировании концептуального подхода к разрешению комплекса проблем организации уголовно-правовой охраны уголовного судопроизводства от проникновения в него ложной информации и разработке рекомендаций по оптимизации положений УК РФ, устанавливающих ответственность за заведомо ложный донос и лжесвидетельство, с учетом положительного правотворческого опыта зарубежных стран, а равно подготовке предложений по совершенствованию практики применения соответствующих норм. Достижение данной цели требует решения следующих задач:

- изучить эволюцию положений отечественного законодательства, регламентирующих вопросы уголовной ответственности за предоставление ложной информации, опасной для уголовного судопроизводства, выяснить истоки и основные тенденции их изменения, определить возможности использования в современном российском праве исторического опыта уголовного-правового противодействия подобного рода деяниям;

- проанализировать историю развития положений, касающихся уголовной ответственности за введение в заблуждение органов правосудия участниками судопроизводства, закрепленных в законодательстве стран континентальной Европы и США, и выявить историко-правовые предпосылки, определяющие своеобразие соответствующих правоприменительских решений;

- с учетом разработанных наукой основ криминализации деяний показать социальную обусловленность норм, закрепленных в ст.306 и 307 УК РФ, а также сходных с ними по выполняемой функции положений зарубежного законодательства, установить возможные отступления от правил формирования уголовно-правового запрета;

-проанализировать законодательные конструкции заведомо ложного доноса и лжесвидетельства; выявить проблемы, связанные с уяснением содержания отдельных признаков этих составов, требующих коррекции закона; определить наиболее оптимальные подходы к решению таких проблем, продемонстрированные в зарубежном законодательстве стран континентальной Европы и США;

-провести сравнительно-правовой анализ санкций статей 306 и 307 УК РФ, определить основные недостатки названных структурных элементов уголовного закона и наметить пути их устранения, учитывая как зарубежный нормотворческий «багаж», так и потребности российской судебной практики;

- дать характеристику произведенной в УК РФ с помощью квалифицирующих признаков дифференциации уголовной ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство с позиции обоснованности и достаточности таковой; выявить преимущества и недостатки отечественного уголовного закона в решении данного вопроса;

-на основе компаративистского исследования примечания к ст.307 УК РФ и с учетом запросов правоприменителя определить наличие (отсутствие) потребности в сохранении и реформировании указанного примечания;

-проанализировать практику применения ст.306 и 307 УК РФ, выявить негативные тенденции в реализации названных статей, предложить способы преодоления подобных недостатков;

-сформулировать конкретные предложения по совершенствованию уголовно-правовых средств реагирования на предоставление заведомо ложной информации, опасной для уголовного судопроизводства.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, связанные с необходимостью уголовно-правового противодействия различным государствам проникновению в уголовное судопроизводство ложной информации, регламентацией в уголовных законах средств подобного противодействия и их практической реализацией.

Предметом диссертационного исследования служат применимые к объекту научного поиска нормы отечественного и зарубежного конституционного, уголовного, уголовно-процессуального права, исторические аналоги и прообразы этих норм, международно-правовые документы, интерпретационные акты, теоретические источники соответствующего

содержания, материалы судебной практики, статистические сведения, результаты конкретно-социологического исследования.

Методологическую основу настоящей работы образуют система философских знаний о мире, диалектический метод познания действительности, общенаучные и частно-научные методы научного поиска. Оригинальность темы исследования, специфика его цели и задач предопределили активное обращение к приемам и способам компаративистики. Определенное значение для освоения заявленной тематики имело проведение конкретно-социологического исследования.

Нормативную базу диссертации составляют положения Конституции РФ, конституционных законов некоторых других стран, международно-правовых актов, уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства России; УК или иные уголовные законы 28 стран континентальной Европы; федеральное законодательство США; уголовные законы отдельных штатов и федерального округа Колумбия; исторические памятники российского и зарубежного уголовного права.

Теоретическую основу работы образуют труды отечественных и зарубежных ученых, являющихся специалистами в области философии, филологии, истории, психологии, социологии, общей теории права, уголовного права, уголовного процесса, криминологии, криминалистики, а также справочная литература. В диссертации, в частности, использовано 40 иностранных теоретических источников на языке оригинала.

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает: 1) результаты обобщения опубликованной судебной практики высших судебных органов РФ за период с 1997 по 2016 г.г.; 2) 100 архивных уголовных дел, рассмотренных судами Волгоградской области за период с 2010 по 2016 гг.; 3) 2869 размещенных в сетевых электронных ресурсах актов российских судов различного уровня; 4) некоторые прецеденты Европейского суда по правам человека, Верховного суда США и отдельных штатов; 5) официальные статистические данные о преступности и судимости в РФ; 6) сведения о деятельности Следственного Комитета РФ; 7) результаты проведенного автором анкетирования 180 практических работников, а также 350 граждан Российской Федерации, зарубежных европейских государств и США.

Разнообразие теоретических источников, глубокая проработка нормативных актов, большой объем собранного эмпирического материала, применяемая методика научного поиска обеспечивают **обоснованность и достоверность полученных результатов**.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые осуществлен полномасштабный сравнительно-правовой анализ обновленного законодательства России, стран континентальной Европы и США в части регламентации оснований и пределов уголовной ответственности за предоставление ложной информации, опасной для уголовного судопроизводства, выработан новый подход к решению ряда вопросов,

касающихся закрепления в уголовном законе и понимания признаков составов заведомо ложного доноса и лжесвидетельства, установлению санкций за совершение этих преступлений, использованию квалифицирующих признаков для дифференциации уголовной ответственности за такого рода деяния, регламентации и реализации специальных оснований освобождения от их уголовно-правовых последствий. Разработаны проекты изменений уголовного закона, способные стать дополнительными гарантиями граждан от необоснованного осуждения и обвинения, игнорирования свидетельского иммунитета, иных нарушений прав участников судопроизводства. Оригинальностью отличается авторская трактовка ряда признаков составов преступлений, предусмотренных ст.306 и 307 УК РФ, а также предлагаемые новые редакции указанных статей и обоснование целесообразности уточнения в законе содержания закрепляемых ими норм. Научная новизна диссертационного исследования находит также отражение в выносимых на защиту положениях, а равно их аргументации.

На защиту выносятся следующие выводы и рекомендации.

1. Закрепленный в Русской правде состав ложного обвинения перед судом следует считать прообразом современных законодательных конструкций заведомо ложного доноса (ст.306 УК РФ) и лжесвидетельства (ст.307 УК РФ). Наличие в действующем Уголовном кодексе России двух разных норм, предназначенных для противодействия указанным деяниям, может рассматриваться в качестве проявления относительно устойчивой тенденции на дифференциацию оснований уголовной ответственности за предоставление ложной информации, опасной для судопроизводства, с учетом способа ее [информации] влияния на процессуальную деятельность, наметившейся в российском законодательстве еще в период судебныхников (15-16 вв.).

2. Исключение из круга субъектов лжесвидетельства обвиняемых и подозреваемых в совершении преступления произошло задолго до вступления в силу действующего УК РФ. В основе подобного правотворческого решения лежит укоренившаяся в отечественном законодательстве с петровских времен идея о недопустимости принуждения к свидетельству по собственному делу. Указанный подход к конструированию аналогичных составов издавна демонстрирует и законодатель европейских государств. Это служит дополнительными аргументами против заимствования из американского судопроизводства уголовной ответственности за лжесвидетельство лиц, которые обладают либо должны обладать в уголовном процессе статусом обвиняемого или подозреваемого, обусловленной своеобразием правового положения таких лиц в правосудии США, а также особенностями регламентации в законодательстве данной страны источников доказательств.

3. Современному отечественному законодателю следовало бы обратить внимание на преимущества регламентации в дореволюционных нормативных актах ответственности за предоставление суду и

правоохранительным органам ложной информации, а именно: 1) установление уголовной ответственности не только за ложное показание, но и за умолчание об отдельных фактах (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных); 2) усиление уголовной ответственности за ложный донос с учетом наличия опасности заведомо ложного обвинения в любом преступлении для конкретного лица (Уголовное уложение 1903 г.); 3) четкое выражение законодательной позиции о преступном характере заведомо ложной явки с повинной (там же); 4) исключение уголовной ответственности за лжесвидетельство для лиц, совершивших это преступление в пользу обвиняемого и имевших по закону право отказаться от дачи показаний, если на такое право лицу не было предварительно указано (там же); 5) конкретизация в уголовном законе адресата заведомо ложного сообщения о преступлении, заведомо ложного обвинения перед властью (там же).

4. С учетом двойственности в толковании понятия «ложь» следует одобрить стремление российского законодателя, а равно законодателей ряда зарубежных государств заострить внимание адресата уголовно-правовой нормы на том, что уголовная ответственность за предоставление ложной информации правоохранительным и судебным органам невозможна при неосознании лицом ложности делаемых заявлений или даваемых показаний.

5. Произведенная в УК РФ и во многих уголовных законах зарубежных стран криминализация заведомо ложного доноса и деяний, обозначаемых в настоящей работе понятием «лжесвидетельство», в целом соответствует тем критериям, при наличии которых таковая может быть сочтена успешной. Вместе с тем наблюдаются и отступления от соблюдения некоторых принципов формирования уголовно-правового запрета. Это выражается в установлении отдельными зарубежными кодексами уголовной ответственности за сделанные по неосторожности ложные заявления и данные по ошибке показания; ненадежности закрепленных в УК РФ гарантий конституционного права гражданина не быть принуждаемым к даче показаний против своего супруга либо близких родственников; явном запаздывании с криминализацией дачи специалистом ложного заключения; отсутствии в ст.142 УПК РФ указания на необходимость предупреждать явившегося с повинной об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

6. Конструирование в УК РФ специальных составов применительно к каким-либо отдельным формам лжесвидетельства, как это сделано законодателями отдельных европейских стран, нецелесообразно. Регламентация ответственности за них [формы] в одной статье Уголовного кодекса, заключающей в себе альтернативный состав преступления, представляется более приемлемым вариантом борьбы с такими посягательствами, исключаящим ситуацию «неработающих» норм.

7. В целях укрепления гарантий от необоснованного обвинения, углубления дифференциации оснований и пределов уголовной ответственности за ложные доносы и лжесвидетельство, целесообразно сконструировать самостоятельный состав заведомо ложного сообщения о совершении

преступления конкретным лицом, дополнив главу 31 УК РФ новой статьей 307¹ «Оговор заведомо невиновного в преступлении лица» с диспозициями следующего содержания:

«1. Оговор заведомо невиновного в преступлении лица, совершенный перед судом, должностным лицом либо органом, уполномоченным осуществлять уголовное преследование и (или) принимать меры к его обеспечению, в том числе в ходе дачи показаний...»

2. То же деяние, соединенное с обвинением в тяжком или особо тяжком либо коррупционном преступлении, а равно совершенное по предварительной договоренности об оговоре с другими лицами ...»

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с созданием или предоставлением искусственных доказательств обвинения, а равно повлекшие тяжкие последствия...».

8. В главу 31 УК РФ целесообразно включить новую статью 307² «Самооговор в преступлении», изложив соответствующую диспозицию таким образом: «Самооговор в преступлении, совершенный перед судом, должностным лицом либо органом, уполномоченным осуществлять уголовное преследование и (или) принимать меры к его обеспечению, в том числе в ходе дачи показаний ...», а также сопроводив данную статью примечанием следующего содержания: «Лицо, оговорившее в ходе дачи показаний себя самого в совершении преступления, может быть освобождено судом от ответственности за самооговор при наличии оснований, указанных в Примечании 1 к ст.307 настоящего Кодекса».

9. С учетом зарубежного правотворческого опыта в целях укрепления юридических гарантий прав участников судопроизводства, придания правовой определенности решениям законодателя России, касающимся описания признаков составов преступлений, предусмотренных ст.306 и 307 УК РФ, а равно согласования этих статей с новыми предлагаемыми к включению в уголовный закон статьями необходимо внести следующие коррективы в текст Уголовного кодекса: 1) заменить наименование ст.307 на такое «Заведомо ложные либо неполные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный либо неполный перевод» и уточнить соответствующим образом диспозицию части первой этой статьи; 2) дополнить указанную диспозицию фразой «совершенные лицом, которому были в установленном законом порядке разъяснены права, обязанности и ответственность соответствующего участника судопроизводства»; 3) указать в ч.1 ст.306 УК РФ в качестве адресатов заведомо ложного доноса органы и должностных лиц, уполномоченных осуществлять уголовное преследование и (или) принимать меры к его обеспечению, а равно суд (судью); 4) включить в указанные части ст.306 и 307 оговорку «не содержащее (ие) признаков преступлений, предусмотренных статьями 307¹ и 307² настоящего Кодекса»; 4) исключить из ст.306 УК РФ часть третью и указать в части второй данной статьи в качестве квалифицирующего обстоятельства только признак «то же деяние, соединенное с созданием или представлением искусственных доказательств совершения преступления»;

5) признак «то же деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления» из части 2 ст.307 исключить.

10. Обоснование необходимости использования для дифференциации уголовной ответственности за лжесвидетельство в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков соответственно таких признаков, как совершение преступления по предварительной договоренности о даче ложных (неполных) показания, заключения либо неправильном (неполном) переводе с другими лицами»; «причинение деянием тяжких последствий», а также отрицание целесообразности употребления в данных целях применительно к изучаемым составам преступлений признака «совершение деяния из корыстных побуждений».

11. Предложения об оптимизации санкций ст.306 и 307 УК РФ путем: 1) включения во все эти санкции в качестве дополнительного наказания, присоединяемого к лишению свободы факультативно применяемого штрафа, размер которого должен соизмеряться со сроком основного наказания и быть меньше, чем размер штрафа, установленного в санкции в качестве альтернативного наказания; 2) указания в санкции за основной состав лжесвидетельства, помимо уже названных видов наказания, принудительных работ и лишения свободы.

12. Примечание к ст.307 УК РФ (в ее новом варианте) необходимо изложить следующим образом: «Примечания. 1. Лицо, совершившее деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, освобождается за указанное преступление от ответственности, если оно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора либо решения по делу, при рассмотрении которого были даны ложные либо неполные показания, заключение или сделан неправильный либо неполный перевод, добровольно заявило об этом. Освобождение от уголовной ответственности не допускается, если совершенное преступление причинило существенный вред гражданам либо организациям, и указанный вред не был заглажен. При наличии к тому оснований свидетель или потерпевший подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в соответствии со ст.308 настоящего Кодекса. 2. Лицо не подлежит уголовной ответственности за неполные показания, заключение или перевод, если указанные деяния являются осуществлением его права не изобличать в совершении преступления своего супруга или близких родственников».

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в систематизации и развитии научных положений, касающихся оснований и дифференциации уголовной ответственности за предоставление ложной информации правоохранительным и судебным органам. Сравнительно-правовой ракурс исследования позволяет обогатить научный оборот новыми знаниями, доводами и предложениями применительно к объекту исследования,

более взвешенно оценить профилактический потенциал соответствующих норм российского уголовного права, а также состояние практики их применения.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что сформулированные в ходе исследования выводы и предложения могут быть использованы отечественным и зарубежным законодателем для оптимизации уголовно-правовой охраны правосудия от проникновения в него ложной информации, а равно для укрепления юридических гарантий граждан от необоснованного осуждения или обвинения, иного нарушения процессуальных прав. Отдельные рекомендации способны оказать пользу правоприменителю в преодолении трудностей квалификации рассмотренных в диссертации преступлений. Материалы и результаты диссертационного исследования могут быть также использованы в педагогической и учебно-методической деятельности вузов для обеспечения преподавания дисциплин «Уголовное право», «Преступления против правосудия» и др.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация прошла рецензирование и обсуждена на кафедре уголовного права Волгоградского государственного университета.

Результаты работы доведены автором до сведения научной общественности путем освещения их на различных мероприятиях, в том числе I и II Международных научно-практических конференциях «Юридическая наука и практика: история и современность» (Рязань, 2013 и 2014 гг.), II Всероссийской научной конференции с международным участием «Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития» (Новосибирск, 2016 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе» (Волгоград, 2016 г.), ежегодных научных сессиях ВолГУ (2013-2016 гг.).

Основные положения диссертации опубликованы в 20 научных трудах, включая пять статей, размещенных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования результатов диссертационных исследований.

Результаты работы используются также в учебном процессе института права Волгоградского государственного университета при проведении учебных занятий по дисциплинам уголовно-правового цикла.

Структура диссертации. Диссертация содержит введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список используемых источников и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируется актуальность темы, выясняется степень разработанности соответствующих проблем, характеризуются объект, предмет, цель и задачи работы, показывается ее нормативная, теоретическая, методологическая и эмпирическая основы, обосновываются научная новизна и

научно-практическая значимость, содержатся выводы, выносимые на защиту, а также сведения об их апробации, представляется структура диссертации.

Глава I «Историко-правовые предпосылки и социальная обусловленность установления уголовной ответственности за предоставление ложной информации в уголовном судопроизводстве России, стран континентальной Европы и США» включает три параграфа.

В §1.1 определяются истоки развития российского законодательства в части положений, регламентирующих ответственность за предоставление ложной информации, опасной для уголовного судопроизводства, выясняются тенденции этого развития. Диссертант показывает, что уже в Пространной редакции Русской правды была закреплена конструкция ложного обвинения перед судом (ст.20 «О поклепной вире»), служащая прообразом составов заведомо ложного доноса, и лжесвидетельства. Речь в данной статье идет об ответственности за предоставление ложной информации, которая могла служить содержанием как заявления, инициирующего процессуальную деятельность, так и показания, даваемого в ходе осуществления последней. Наличие в действующем УК РФ двух разных составов преступлений, предусмотренных ст.306 и 307, может рассматриваться в качестве проявления относительно устойчивой тенденции на дифференциацию оснований уголовной ответственности за предоставление ложной информации, опасной для судопроизводства, с учетом способа ее [информации] влияния на процессуальную деятельность, наметившейся в российском законодательстве еще в период судебников (15-16 вв.). Так, в Судебнике 1497 г. был четко зафиксирован запрет лжесвидетельствовать (ст.67) и сформировано понятие ябедничества (ст.8).

В петровской эпохе берет свое начало закрепление в законе идеи о недопустимости принуждения к свидетельству по собственному делу, послужившей основой для исключения уже в указанный период из числа лжесвидетелей (и клятвопреступников) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Автор видит в этом аргумент против заимствования из американского судопроизводства уголовной ответственности за лжесвидетельство лиц, которые обладают либо должны обладать в уголовном процессе таким статусом.

Диссертант отмечает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, подчеркивая, что в нем устанавливалась ответственность не только за ложное показание, но и за умолчание об отдельных фактах.

Высокая оценка дается соискателем регламентации изучаемых вопросов, содержащейся в Уголовном уложении 1903 года. Указываются преимущества данного документа по сравнению с действующим в России уголовным законом (см. п.2-5 Положения 3).

Соискатель анализирует нормативные акты советского периода, отмечает своеобразие в сравнении с ними УК РФ.

В §1.2 освещаются исторические аспекты уголовной ответственности за предоставление ложной информации в уголовном судопроизводстве стран

континентальной Европы и США. Отмечается, что для многих стран Европы характерна ранняя криминализация лжесвидетельства и ложного обвинения с конструированием для этих целей самостоятельных составов преступлений, установлением за их совершение суровых (в духе времени) санкций, а также с усилением уголовной ответственности за сообщение ложной информации в том случае, если таковая содержала в себе оговор невинного.

При изучении эволюции американского уголовного законодательства диссертантом выяснено, что еще Уставом США 1790 года заложены базовые составляющие лжесвидетельства, сохранившие свое значение для современного американского уголовного права, в том числе признание субъектом названного преступления любого лица, дающего показания; придание присяге значения обязательного признака состава преступления. Их закрепление в законодательстве США предопределено своеобразными характеристиками американского судопроизводства, присущими ему на протяжении всего его существования (обязательное, как правило, приведение к присяге; признание свидетелями всех дающих показания). В российском уголовном процессе три века назад преодолено представление о необходимости одинаково относиться ко всем допрашиваемым и давно прервана преемственность в части включения присяги в процедуру наставления свидетеля. С учетом этого вряд ли резонно рассуждать о какой-либо потребности в рецепции отечественным законом указанных специфических черт состава лжесвидетельства, закрепленного в уголовном законодательстве США.

В §1.3 «Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за предоставление ложной информации в современном уголовном судопроизводстве России, стран континентальной Европы и США» дается характеристика понятия «ложь», подчеркивается двойственность его толкования, заключающаяся в признании либо непризнании обязательным свойством лжи (ложности) осознания субъектом несоответствия действительности выражаемого во вне суждения. С учетом подобной двойственности следует одобрить стремление российского законодателя, а равно законодателей ряда зарубежных государств заострить внимание адресата уголовно-правовой нормы на том, что уголовная ответственность за предоставление ложной информации правоохранительным и судебным органам невозможна при неосознании лицом ложности заявлений или показаний.

Диссертант обнаруживает в сказанном нравственный смысл. Факт отсутствия осуждения большинством членов общества сообщения компетентным инстанциям сведений, ложность которых субъектом не осознается, служит одним из аргументов против криминализации подобных деяний. В диссертации приводятся данные проведенного соискателем опроса населения, подтверждающие различное отношение людей к осознанной и неосознанной лжи в правосудии. Устанавливается соответствие проведенной в УК РФ и во многих уголовных законах зарубежных стран криминализации заведомо ложных доносов и лжесвидетельства большинству других критериев, при соблюдении которых таковая может быть сочтена успешной.

Вместе с тем автор указывает на отступления от некоторых из них (см. Положение 5).

Глава II «Законодательная регламентация оснований уголовной ответственности за предоставление заведомо ложной информации, опасной для уголовного судопроизводства, в России, странах континентальной Европы и США» объединяет два параграфа.

В §2.1 дана характеристика описания признаков основных составов заведомо ложного доноса либо сходных с этим преступлением деяний.

Устанавливается различие в подходах к определению законодателями разных стран места данным деяниям в системе Особенной части УК. Отмечается, что иностранный законодатель более внимателен к тому, что предоставление компетентным органам заведомо ложной информации о совершении преступления конкретным лицом имеет повышенную общественную опасность. По мнению автора, увеличение вредности подобного ложного доноса определяется не только возможным умалением чести и достоинства оговоренного человека, но и увеличением объема вреда для самого правосудия, поскольку такая информация создает предпосылки для возникновения (развития) уголовного процесса вопреки его назначению. С учетом этого диссертант находит полезным учет правотворческого опыта тех государств, в УК которых ложное обвинение лица в совершении преступления (независимо от тяжести последнего) возведено в ранг квалифицирующего признака ложного доноса (Сербия) либо выделено в отдельный состав преступления (Норвегия, Швейцария, Сан-Марино, Болгария, Дания, Латвия, Швеция и др.).

Диссертантом обнаружено отсутствие в отечественном уголовном законе прямого ответа на вопрос о юридической оценке ложной явки с повинной и проявление правотворцем некоторых европейских государств большей определенности в освещении данного вопроса. Показаны способы разрешения соответствующей проблемы, используемые в иностранных законодательных актах, а в последующем отмечаются преимущества конструирования самостоятельного состава самооговора, охватывающего не только заведомо ложную явку с повинной, но и дачу ложных признательных показаний (Сан-Марино и др.).

В работе отмечается, что в действующем УК РФ отсутствует описание адресата заведомо ложного сообщения о преступлении. Напротив, законодатель большинства европейских государств и США указывает непосредственно в уголовных законах на такую инстанцию. Соискатель признает отказ российского законодателя от уточнения в ст.306 данного признака неудачным решением. Он полагает, что это создает опасность применения закона вопреки его смыслу и затрудняет отграничение оконченного ложного доноса от покушения на это преступление.

Исходя из содержания объекта преступления, предусмотренного ст.306 УК РФ и возможности осознания нарушения данных ценностей лжедоносчиком, в качестве адресатов заведомо ложного доноса в диспозиции

части первой этой статьи следует указать: 1) органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование и (или) принимать меры к его обеспечению; 2) суд (судью). Обращение во всякие другие инстанции может образовать ложный донос лишь при условии, когда лицо сознательно использует таковые для выполнения посреднической функции. Оконченным ложный донос должен признаваться только тогда, когда соответствующая информация стала достоянием названных выше органов или должностных лиц.

Диссертант считает, что ложное заявление обвиняемого (подозреваемого) о совершении преступления заведомо невиновным в нем лицом, обращенное к компетентному органу либо должностному лицу, независимо от мотивов, должно квалифицироваться по ст.306 УК РФ. Ведь таковое связано с формированием ложного повода для возбуждения уголовного дела (уголовного преследования), т.е. для развития уголовного процесса в направлении, несоответствующем его назначению. Вместе с тем автор находит целесообразным конструирование самостоятельного состава оговора невиновного лица. Это придало бы определенность решению озвученной проблемы применительно к случаям совершения подобного деяния из побуждений процессуальной защиты, создало бы более прочные гарантии от необоснованного обвинения и осуждения.

Диссертантом не обнаружено примеров более удачного, чем в УК РФ, описания признаков, характеризующих субъективную сторону рассматриваемого в данном параграфе преступления.

В §2.2 осуществлен анализ закрепления признаков лжесвидетельства в диспозиции ч.1 ст.307 УК РФ и сходных с этой статьей параграфах (статьях) зарубежных уголовных законов. Отмечается наличие тенденции похожего расположения этого состава в УК зарубежных государств.

Соискатель замечает, что в УК РФ и большинстве стран континентальной Европы, в отличие от уголовного законодательства США, при описании объективной стороны лжесвидетельства осуществлено выделение различных форм последнего в соответствии с регламентацией в уголовно-процессуальных законах особенностей доказывания. Отсутствие в уголовном законе норм, устанавливающих ответственность за предоставление ложной информации, облакаемой в форму, присущую тому или иному виду доказательств, предусмотренному в уголовно-процессуальном акте, диссертант оценивает как пробел в праве. Автор обнаруживает подобную рассогласованность между положениями ст.307 УК РФ и норм УПК, касающихся заключения специалиста, и предлагает преодолеть ее, используя опыт республик бывшего Союза ССР (Молдова, Казахстан), указывающих в соответствующих статьях УК на ложное заключение специалиста как на одну из форм лжесвидетельства. Вместе с тем диссертант не находит целесообразным, чтобы российский законодатель вслед за законодателями отдельных стран (Польша, Болгария, Испания, Турция, Франция, Эстония и др.) пошел по пути конструирования специальных составов применительно к каким-либо формам преступления, охватываемым

ныне ст.307. Ввиду не столь большой распространенности ложных показаний эксперта либо специалиста, а также их ложных заключений регламентация ответственности за лжесвидетельство в одной статье уголовного кодекса, заключающей в себе альтернативный состав преступления, представляется более приемлемым вариантом борьбы с такими посягательствами, исключающим ситуацию «неработающих» норм.

Автор поддерживает ученых, обосновывающих необходимость указания в ст.307 УК РФ на такой вид преступного поведения, как дача неполных показаний, считая, что понятием ложных показаний он не охватывается ввиду отсутствия в нем логической и информационной составляющей лжи, и в то же время является столь же опасным для правосудия. Обратив внимание на различные подходы к решению аналогичной проблемы в УК Польши, Болгарии, Швеции, Турции и иных стран, диссертант предлагает скорректировать заменить содержание этой статьи (п.1 положения 9).

Диссертантом делается вывод, что невыполнение требования о необходимости предупреждения допрашиваемого об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, а равно разъяснения ему права в предусмотренных в законе случаях отказаться от дачи показаний должно исключать уголовную ответственность за лжесвидетельство. В целях обеспечения понимания всеми практическими работниками уголовно-правового значения подобного наставления компетентными органами участников судопроизводства, а также с учетом законодательного опыта некоторых зарубежных стран (Польша, Эстония, США и др.) необходимо дополнить диспозицию ст.307 УК РФ следующей фразой: «совершенные лицом, которому были в установленном законом порядке разъяснены права, обязанности и ответственность соответствующего участника судопроизводства».

Освещая вопрос об особенностях регламентации в уголовных кодексах различных государств признаков, характеризующих субъекта лжесвидетельства, соискатель отмечает, что законодатель большинства европейских стран руководствовался одним принципом при определении соответствующего круга лиц, ограничивая этот круг определенными участниками судопроизводства и исключая из него обвиняемого (подозреваемого).

Сказанное не означает признание не подлежащим наказанию любого ложного заявления, сделанного данным участником уголовного процесса. Соискатель поэтому возвращается к проблеме конструирования состава оговора заведомо невиновного лица и высказывает свои соображения относительно контуров такого состава. Автор отмечает наличие в теории узкого и широкого толкования понятия «оговор» и обосновывает необходимость исходить из широкой трактовки этого слова, предполагающей возможность отнесения к субъектам нового преступления каждого заявителя, обратившегося с клеветническим сообщением о преступлении в компетентные органы, и любого лица, дающего показания, независимо от его процессуального положения.

Конструирование подобного состава преступления позволит и углубить дифференциацию уголовной ответственности за ложный донос и лжесвидетельство.

В свете сказанного соискатель рекомендует дополнить главу 31 УК РФ новой статьей 307¹ «Оговор заведомо невиновного в преступлении лица» (положение 7). Диссертант также обосновывает целесообразность дополнения УК РФ ст.307² «Самооговор в преступлении» и предлагает вариант формулировки ее диспозиции (положение 8). Замечая, что внесение таких изменений в Уголовный кодекс повлечет за собой сужение сферы применения ст.306 и 307, диссертант вносит рекомендации о их корректировке (п.3 положения 4). В конце параграфа дается характеристика регламентации в отечественном УК РФ и зарубежных государств признаков, характеризующих субъективную сторону лжесвидетельства.

В главе III «Дифференциация пределов уголовной ответственности за предоставление ложной информации, опасной для уголовного судопроизводства, в законодательстве России, стран континентальной Европы и США» содержатся три параграфа.

§3.1 посвящен анализу санкций, сконструированных за основные составы ложного доноса и лжесвидетельства в УК РФ и зарубежных стран. В диссертации констатируется, что российский законодатель, устанавливая за названные деяния уголовную ответственность, использует один и тот же тип санкций и уравнивает посредством положений Общей части минимальные пределы наказания. Вместе с тем максимум санкции части 1 ст.306 УК РФ является более суровым. Автор усматривает в этом нарушение принципа справедливости уголовного законодательства и обосновывает предложение о решении проблемы соразмерности указанных санкций путем ужесточения наказания за лжесвидетельство. В определении наказания за ложный донос между отечественным и зарубежным уголовным законодательством наблюдается сходство. Особенно близки к санкции ч.1 ст.306 УК РФ санкции, установленные за основной состав ложного доноса в УК большинства республик бывшего Союза ССР. Несмотря на многообразие типов санкций, установленных в УК стран Западной Европы за не квалифицированные составы ложного доноса и (или) ложного обвинения, многие из них [санкций] обладают рядом признаков, благодаря которым они могут рассматриваться как вполне соизмеримые с санкцией ч.1 ст.306 УК РФ: альтернативность многих из них, а также включение в санкцию наказания, сущностью которого является лишение свободы. Вполне умеренным в сравнении с зарубежными нормативными актами представляется и максимальный срок наиболее сурового вида наказания, установленный в ч.1 ст.306 УК РФ. Понижение предельного срока лишения свободы до одного года в рассматриваемой санкции могло бы стать оправданным в случае конструирования отдельного состава оговора заведомо невиновного лица. Диссертант также обращает внимание на адекватность санкции ч.1 ст.306 УК РФ потребностям практики, приводя данные своего выборочного исследования судебных приговоров. Напротив, санкция,

установленная в ч.1 ст. 307 УК РФ, выглядит не только несоразмерной в части максимального предела установленного в ней наказания с санкцией ч.1 ст.306 УК РФ, но и неоправданно либеральной, по сравнению с санкциями статей (параграфов) большинства зарубежных уголовных законов, предусматривающих ответственность за основной состав лжесвидетельства. Многие иностранные уголовные кодексы характеризуют последнее преступное деяние как преступление более опасное, чем ложное сообщение о преступлении (ложное обвинение). С учетом этого предлагается предусмотреть в ч.1 ст.307 УК РФ в качестве видов наказания, наряду с уже в ней содержащимися, принудительные работы и лишение свободы со сроками, по крайней мере не меньшими, чем те, которые обозначены или будут обозначены в санкции ч.1 ст.306 УК РФ.

Соискатель считает, что внимания российского законодателя заслуживает внедренная в УК некоторых зарубежных государств идея возможности назначения за ложный донос и лжесвидетельство штрафа не только в качестве альтернативы лишению свободы, но и наряду с этим наказанием (Швейцария, ФРГ, штаты Техас, Оклахома, Нью-Йорк, Висконсин и др.). Представление такой возможности правоприменителям России повысило бы профилактический потенциал ст.306 и 307 УК РФ. Автор предлагает внести соответствующие изменения в санкции ст.306 и 307 УК РФ (п.1 положения 11).

В §3.2 содержится анализ квалифицирующих признаков, используемых законодателем различных стран для ранжирования уголовной ответственности за рассматриваемые в диссертации преступления. Отмечается, что произведенная в действующем УК РФ с помощью квалифицирующих признаков дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство во многом соответствует тем требованиям, которые предъявляются уголовно-правовой наукой к содержанию такого рода обстоятельств. Признаки с аналогичным либо сходным содержанием весьма охотно используются для ранжирования уголовной ответственности за ложный донос и (или) лжесвидетельство большинством республик бывшего Союза ССР.

Соискатель замечает ошибки, допускаемые правоприменителем при установлении особо квалифицирующего обстоятельства, предусмотренного ч.3 ст.306 УК РФ, и объясняет некоторые из них пробелами в законе. Так, в диссертации подчеркивается, что общественную опасность ложного обвинения в преступлении может повышать не только создание искусственных доказательств, но и их предоставление. Предлагается изменить формулировку части третьей ст.306 УК РФ, указав здесь на квалифицирующий признак «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с созданием либо предоставлением искусственных доказательств обвинения». В случае конструирования в УК РФ самостоятельного состава оговора в совершении преступления заведомо невиновного лица названный особо квалифицирующий признак, а равно квалифицирующий признак соединенности деяния с обвинением в тяжком либо особо тяжком

преступлении целесообразно использовать для дифференциации уголовной ответственности за его [оговора] совершение. Для дифференциации ответственности за ложный донос о мнимом преступлении логично предусмотреть в соответствующей части ст.306 УК РФ квалифицирующий признак с более широким содержанием («то же деяние, соединенное с созданием или представлением искусственных доказательств совершения преступления»).

Диссертант не находит целесообразной реализацию высказанного в науке предложения о придании статуса квалифицирующего признака заведомо ложного доноса наступлению тяжких последствий в результате данного преступления. Фактическое наступление таких последствий от ложного доноса не является типичным для последнего. В то же время соискатель соглашается с необходимостью использования (по примеру УК Латвии) указанного квалифицирующего признака для ранжирования уголовной ответственности за лжесвидетельство.

В диссертации отмечается, что одним из самых часто используемых в качестве квалифицирующего признака заведомо ложного доноса и лжесвидетельства обстоятельством в законодательстве стран СНГ выступает признак «совершение преступления из корыстных побуждений». Для УК России, как и для большинства европейских стран дальнего зарубежья и США, это не характерно. Диссертант не усматривает здесь ошибки российского законодателя. Неоднородность корыстной мотивации, возможность совершения рассматриваемых деяний из иных, не менее порицаемых побуждений, свидетельствуют о небезупречности утверждения, будто совершение преступлений названных видов с корыстным мотивом однозначно указывает на повышение общественной опасности такого заведомо ложного доноса либо лжесвидетельства, по сравнению со случаями осуществления данных посягательств по другим мотивам.

Отмечая повышенную общественную опасность ложного обвинения в совершении коррупционного преступления, относительную распространенность подобного рода ложных заявлений и те меры, которые осуществляются для противодействия подобным явлениям в других государствах (например, Казахстане), диссертант предлагает в формулировке диспозиции ч.2 ст.306 УК РФ указать на коррупционные преступления, наряду с преступлениями тяжкими и особо тяжкими. При условии конструирования самостоятельного состава оговора заведомо невиновного лица соответствующий квалифицирующий признак необходимо использовать для дифференциации ответственности лишь за это преступление, изложив его в соответствующей части новой статьи в следующей редакции: «то же деяние, соединенное с обвинением в тяжком или особо тяжком либо коррупционном преступлении».

Диссертант отмечает оригинальность позиции законодателя Казахстана, в УК которого в качестве особо квалифицирующего признака заведомо ложного доноса (ч.4 ст.419) указывается совершение преступления в интересах

преступной группы. По мнению автора, отечественному законодателю копировать подобное решение не следует, поскольку такого рода ложные заявления не являются распространенными в российской правоприменительной практике. Вместе с тем соискатель находит резонным предложение о включении в число квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст.307 УК РФ, признака «совершение преступления по предварительной договоренности о даче ложных показаний с другими лицами». Выраженный подобным образом признак характерен для определенной части фактов лжесвидетельства и способен увеличивать опасность причинения последним более ощутимого вреда правосудию, чем тот, который влечет лжесвидетельство, совершаемое лицом в одиночку.

В работе освещается вопрос о влиянии используемых законодателем РФ и зарубежных государств квалифицирующих признаков на пределы уголовной ответственности, установленной за заведомо ложный донос и лжесвидетельство. Соискатель обосновывает, в частности, что верхний предел санкции части 3 ст.306 определен с чрезмерным запасом.

§3.3 посвящен в основном анализу примечания к ст.307 УК РФ и корреспондирующих ему положений зарубежных нормативных актов. Обосновывается, что закрепление в УК РФ специального основания освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ст.307 УК РФ, но добровольно и своевременно об этом заявившего, не противоречит началам гуманизма и справедливости. Соответствующие поощрительные нормы предназначены для минимизации общественно-опасных последствий лжесвидетельства и способны понижать уровень латентности преступлений данного вида. Многие государства придают указанной разновидности позитивного посткриминального поведения значение обстоятельства, существенно уменьшающего объем уголовно-правового обременения (Азербайджан, Грузия, Болгария, Польша, Испания, Швеция, Сан-Марино, Сербия, Франция, ФРГ, штаты Техас, Флорида и др). В то же время соискателем обнаружены недостатки регламентации в УК РФ рассматриваемого основания освобождения, а также предложены пути их устранения.

Вместе с тем отсутствие в примечании к ст.307 УК РФ указания на такое условие освобождения лжесвидетеля от уголовной ответственности, как корректировка представленной информации, автор находит оправданным. Предъявление подобного требования не во всех случаях уместно. Его вряд ли правильно адресовать лицам, обладающим правом отказаться от показаний, и вовсе нереально предъявлять эксперту, поскольку уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности замены экспертом своего заключения. Неактуально выдвигание подобного условия в подавляющем большинстве случаев неправильного перевода, поскольку переводчик не является незаменимой процессуальной фигурой. Не следует забывать и о таком способе побуждения свидетеля, заявившего о ложности показаний, к исправлению

последних, как угроза привлечения к уголовной ответственности по ст.308 УК РФ.

Диссертант отмечает полезность зарубежного правотворческого опыта для оптимального определения в законе временного интервала, в рамках которого должно быть сделано признание в лжесвидетельстве. С учетом изложенного соискатель предлагает новую редакцию примечания, закрепленного в ст.307 УК РФ (положение 12).

В диссертации выясняется наличие в зарубежных УК других оснований для уменьшения объема ответственности лиц, виновных в лжесвидетельстве и вносится предложение о дополнении ст.307 УК РФ еще одним примечанием (положение 12). Целесообразность такого дополнения соискатель связывает с необходимостью укрепления правовых гарантий лиц, дающих показания, от нарушений их свидетельского иммунитета.

В заключении содержатся общие выводы, сформулированные по итогам работы, а также в систематизированном виде представлены рекомендации по совершенствованию действующих редакций ст.306 и 307 и созданию новых статей Уголовного кодекса РФ.

Приложения включают результаты анкетирования и иллюстрации структуры применяемого наказания.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. В ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Тесленко, А.В. Развитие отечественного законодательства об ответственности за предоставление заведомо ложных сведений правоохранительным и судебным органам [Текст] / А.В. Тесленко // Закон и право. – 2014. - №3. – С.96-100. (0,5 п.л.)

2. Тесленко, А.В. Некоторые итоги сравнительно-правового анализа специальных оснований уголовно-правового поощрения, применяемого к лицам, добровольно заявившим о ложности ранее данных ими свидетельских показаний [Текст] / Л.В. Лобанова, А.В. Тесленко // Правовое государство: теория и практика. –2016. - №1(43). – С.122-126. (0,5 / 0,25 п.л.)

3. Тесленко, А.В. Ответственность за предоставление ложной информации, значимой для уголовного судопроизводства, по уголовному уложению 1903 года [Текст] / Л.В. Лобанова, А.В. Тесленко // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. -№3. – С.115-119. (0,5 / 0,4 п.л.)

4. Тесленко, А.В. К вопросу об адресате заведомо ложного доноса: сравнительно-правовой анализ законодательства РФ, стран континентальной Европы и США [Текст] / А.В. Тесленко // Право и политика. – 2016. - №12. – С.1466-1472. (0,5 п.л.)

5. Тесленко, А.В. Правовое предупреждение свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний [Текст] / А.В. Тесленко // Евразийская адвокатура. – 2017. – №12. – С.41-43.(0,3 п.л.)

II. В монографиях:

6. Тесленко, А.В. Специальные основания уголовно-правового поощрения, применяемого к лицам, добровольно заявившим о ложности ранее данных ими свидетельских показаний: вопросы теории и практики [Текст] / Л.В. Лобанова, А.В. Тесленко //Актуальные проблемы юридической теории и практики. Коллективная монография. Глава 7. – Волгоград: ООО «Волгоградское научное издательство», 2016. - С.73-89. (1,0 п.л. / 0,7 п.л.)

III. В других изданиях:

7. Тесленко, А.В. О возможности использования законодательного опыта США при регламентации ответственности за ложные показания в отечественном уголовном праве [Текст] / А.В. Тесленко //Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. - Вып. 1. - Рязань: Концепция, 2013. - С. 236-238. (0,1 п.л.)

8. Тесленко, А.В. О возможности использования законодательного опыта США при регламентации ответственности за ложные показания в отечественном уголовном праве [Текст] / А.В. Тесленко // Право и общество. - 2013. - № 3(7). - С.61-63. (0,1 п.л.)

9. Тесленко, А.В. Ложь в правосудии: некоторые уголовно-правовые аспекты [Текст] / А.В. Тесленко //Материалы Научной сессии Волгоградского государственного университета. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2014. - С. 108-109. (0,1 п.л.)

10. Тесленко, А.В. Lie in justice: some aspect of criminall law [Текст] / А.В. Тесленко // Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. - Вып.2. - Рязань: Концепция, 2014. - С. 183-185. (0,1 п.л.)

11. Тесленко, А.В.К вопросу о возвращении присяги в отечественное уголовное судопроизводство. Анализ законодательства РФ, США и ФРГ [Текст] / А.В. Тесленко //Материалы Научной сессии Волгоградского государственного университета / Волгоград: Издательство ВолГУ, 2015. - С. 66-69.(0,1 п.л.)

12. Тесленко, А.В. Судебная присяга – стоит ли вернуть? [Текст] / А.В. Тесленко // ЭЖ-Юрист. – 2015. - №21. – С.7.(0,1 п.л.)

13. Teslenko, A.V. You swear to tell the truth or why should Lies be made criminal? [Текст] / A.V. Teslenko //SocioBrains.–2015.–Issue 11.–P.35-43. (0,5 п.л.)

14. Тесленко, А.В. Уголовно-правовая квалификация самооговора: проблемы и пути решения [Текст] / А.В. Тесленко //Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием - Ч.3. – Новосибирск: Издательство СибАГС, 2016. - С. 243-245. (0,1 п.л.)

15. Тесленко, А.В. Самооговор в уголовном судопроизводстве РФ, США и стран континентальной Европы: некоторые вопросы квалификации [Текст] / А.В. Тесленко // Научные труды. Российская академия юридических наук. - Выпуск 16.- Том 2. - М.: ООО «Издательство «Юрист», 2016. - С.442-443. (0,1 п.л.)

16. Тесленко, А.В. Квалификация заведомо ложной явки с повинной [Текст] / А.В. Тесленко // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе [Электрон. рес.]: сборник научных трудов Международной научно - практической конференции. - Волгоград: ООО «Бланк», 2016. - Электрон. дан. (3,5 Мб). – С.366-370. (0,1 п.л.)

17. Тесленко, А.В. Ложная явка с повинной: судить нельзя помиловать [Текст] / А.В. Тесленко // ЭЖ-Юрист. – 2016. - №20.–С.5. (0,1 п.л.)

18. Тесленко, А.В. Социальная обусловленность установления уголовным законодательством России, США и стран континентальной Европы ответственности за предоставление заведомо ложной информации правоохранительным и судебным органам [Текст] / А.В. Тесленко // Право и суд в современном мире: сборник статей по материалам XIII ежегодной Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых - М.: Издательство «Юстиция», 2016. – С.223-227.(0,1 п.л.)

19. Тесленко, А.В. Ретроспективный анализ трех судебных актов Царской Руси в части регламентации уголовной ответственности за предоставление ложных показаний правоохранительным и судебным органам [Текст] / А.В. Тесленко // Материалы Научной сессии Волгоградского государственного университета. - Волгоград: Издательство ВолГУ, 2016. - С.56-58.(0,1 п.л.)

20. Тесленко, А.В. Существенность ложных показаний для определения их преступности: анализ отечественного и зарубежного уголовного права [Текст] / А.В. Тесленко // Новая правовая мысль. - 2017. - №1. - С.76-78. (0,3 п.л.)